

Взирая на это изящное, искусно расшитое женское платье, Цинь Цзычу чувствовал себя так, словно перед ним разверзлась пасть доисторического чудовища.

И пускай Цзычу всегда гордился своей изворотливостью и быстрым умом, при виде Люй Бувэя, который с услужливым видом протягивал ему шелка и торопил с переодеванием, он на миг опешил. Мысли разлетелись, оставив в голове звенящую пустоту.

— Принц?.. — негромко позвал Люй Бувэй. В глубине его глаз плясали едва заметные смешинки.

Заметив растерянный взгляд Цзычу, он аккуратно расправил платье на его коленях и слегка коснулся пальцами нежного шелка:

— Обстоятельства не терпят отлагательств. Прошу вас, господин, не терзайтесь из-за пустяков.

Цзычу глубоко вздохнул, возвращая самообладание. Он провел ладонью по тонкой вышивке нежно-розового подола, на мгновение задумался, а затем негромко рассмеялся.

— Великий наставник прав, — легко согласился он. — Жизнь куда дороже доброго имени.

В конце концов, в эту эпоху Сражающихся царств он и так изо дня в день носил длинные волосы и свободные халаты — велика ли разница? Сетовать на подобные мелочи теперь казалось чистым упрямством.

Экипаж Люй Бувэя отличался редкостным простором: внутри взрослый мужчина мог выпрямиться во весь рост. Цзычу без тени смущения распустил пояс и привычным движением скинул верхнее одеяние.

Подол его тяжелого халата скользнул по щеке Люй Бувэя. Тот невольно прикрыл глаза, жадно вдыхая едва уловимый аромат, исходящий от ткани.

Без теплого верхнего платья утренний холод мгновенно пробрался под тонкую нижнюю рубаху, заставив Цзычу мелко вздрогнуть. Розовое платье, оставленное у ног, тут же оказалось в руках великого торговца — тот бережно набросил его на плечи принца.

Цзычу слегка повернул голову. Пряди шелковистых темных волос ласково мазнули по лицу Бувэя, и несколько локонов остались в его ладони. Он не удержался и принялся медленно перебирать их пальцами.

Не отрывая взгляда от безупречного профиля Цзычу, Бувэй шумно сглотнул. Голос его прозвучал непривычно глухо:

— Позвольте вашему слуге помочь вам с нарядом.

Цзычу на секунду замер, почувствовав спиной жар чужого тела.

«Ишь как запел, — мысленно усмехнулся он благочестивому тону Бувэя, искренне недоумевая, чем же успел так сильно его раззадорить.»

Вслух он ничего говорить не стал. Напротив, спокойно расставил ноги для устойчивости и широко развел руки в стороны.

— В таком случае полагаюсь на тебя, наставник, — обернувшись, небрежно бросил он. — Ижэню никогда не доводилось примерять женское платье, так что я понятия не имею, как со всем этим совладать.

Эти слова укололи самолюбие Бувэя, но, поразмыслив, он уловил в них скрытый подтекст.

До сих пор он верил, что Ижэнь без памяти влюблен в Чжао Цзи. Но если это так, если он желал ее — пусть даже прельстившись лишь юным, манящим телом, — разве мог он ни разу не видеть, как красавица сбрасывает свои одежды? А если видел, почему сейчас говорит, будто совсем не понимает женский наряд?

Неужели это намек? Намек на то, что Чжао Цзи никогда по-настоящему не занимала его сердца, и он даже взгляда на нее не задерживал?..

Обида Бувэя мгновенно сменилась робкой радостью. Он завороченно смотрел в спину Цзычу, но так и не решился озвучить крутившийся на языке вопрос. Одолеваемый смущением и тревожными мыслями, он невольно замедлил движения.

Цзычу повел плечами, и его рассыпанные по спине шелковые пряди качнулись, увлекая за собой руку наставника.

Бувэй опомнился. Его руки скользнули вокруг узкой талии принца, оборачивая его слоями нежного шелка. Пользуясь случаем, он на мгновение накрыл ладонь Цзычу своей, ласково погладив ее пальцами, после чего зашел вперед. Опустив взгляд, он бережно затянул широкий пояс шириной в ладонь, подчеркнув поджарый и стройный стан мужчины.

Яркое, кокетливое платье цвета цветущей вишни, вопреки ожиданиям, не сделало облик Цзычу приторно-женственным. Напротив, этот контраст лишь подчеркнул его благородную статью — он казался чистым, безупречным нефритом, сияющим подобно полной луне в ночном небе.

Цзычу с любопытством приподнял широкие рукава, разглядывая искусно вышитых бабочек, порхающих среди цветов. Затем, поддавшись веселому порыву, он шутливо перенял манеру Чжао Цзи — прикрыл рукавом нижнюю часть лица и томно, с легким прищуром посмотрел на

Бувэя.

— Ну и как тебе Ижэнь, великий наставник? — пропел он вкрадчивым, медовым голосом.

Цзычу был молод, и на его гладко выбритом лице не осталось и следа щетины. Стоило ему спрятать губы за шелком рукава, оставив на виду лишь бездонные, гипнотизирующие глаза, как перед Бувэем предстало создание неопишуемой, почти пугающей красоты, стирающей всякие границы между мужчиной и женщиной.

В этих темных омутах отражался только сам Люй Бувэй, и у него перехватило дыхание. Он онемел, способный лишь завороченно кивать.

Осознав, насколько нелепо выглядит со стороны, торговец резко замер и сухо кашлянул, пытаясь вернуть лицу бесстрастное выражение:

— Господин великолепен в любом наряде. Простоватая холщовая одежда лишь оскорбляла вашу благородную кровь.

Цзычу согласно кивнул. Аккуратно придерживая подол на женский манер, он опустился на сиденье, перебросил тяжелую волну волос со спины на грудь и требовательно протянул руку, указывая подбородком на гребень:

— Наставник умеет укладывать волосы? Избавиться от этих прядей я сам точно не смогу.

Словно поддавшись чужой воле, Бувэй послушно опустился на колени за его спиной, бережно собирая в ладони густую шелковистую копну.

Лишь когда его пальцы случайно скользнули по нежной коже на затылке принца, торговца словно прошибло током.

«Я ведь тоже ничего не смыслю в женских прическах, — с горечью подумал он, глядя на ровную спину Цзычу. На его губах промелькнула едва заметная, тоскливая улыбка.»

— Мои руки слишком грубы для этого, господин, — хрипло произнес он, поднимаясь. — Я позову служанку, она все сделает.

Выйдя из оцепенения, он приоткрыл дверь и велел позвать опытную служанку.

Женщина принялась за работу и споро уложила волосы Цзычу в незамысловатую прическу молодой незамужней девушки. Но едва Бувэй взглянул на результат, его лицо потемнело от гнева.

— Сделай прическу замужней дамы! — ледяным тоном приказал он.

Несчастливая служанка задрожала от страха и поспешно забила поклоны, утыкаясь лбом в дощатый пол. Перепуганные пальцы залетали над головой принца с удвоенной скоростью, сооружая сложный, высокий узел, подобающий знатной матроне, после чего женщина испуганной тенью выскользнула наружу.

Цзычу, сидевший спиной к наставнику, лишь безмолвно изогнул бровь.

«Решил примерить на меня роль замужней покорной женушки? Хочет запереть в золотой клетке, превратить в послушную игрушку для своих утех?.. Ох и разыгрались же у тебя аппетиты, Люй Бувэй. Неужели ты всерьез веришь в эти бредни?»

Впрочем, этот делец все еще был ему жизненно необходим, а потому Цзычу благоразумно смолчал, заперев свои мысли на замок.

Он задумчиво провел пальцами по подбородку, на котором уже пробивалась едва заметная колючая щетина, и вдруг негромко фыркнул. Ему невольно вспомнилось, какими именно путями в будущем попадет во дворец знаменитый фаворит Чжао Цзи, Лао Ай. История, похоже, имела весьма специфическое чувство юмора.

— Чему вы улыбаетесь, принц? — спросил вернувшийся в глубь повозки Бувэй, сверху вниз разглядывая своего подопечного.

Цзычу не стал менять позы, продолжая сидеть с изяществом благородной девы. Сначала он хотел прикрыть подбородок рукавом, но затем в нем проснулся дух озорства. Цзычу вздернул голову, открывая лицо навстречу собеседнику:

— У меня ведь щетина прорастает, наставник. Тебя это совсем не смущает?

Бувэй подался вперед, почти касаясь его лица своим, и принялся пристально разглядывать его кожу.

Цзычу был слишком молод, его редкие волоски на подбородке оставались мягкими и светлыми. За одну ночь они отросли лишь едва-едва, ничуть не портя облик. В лучах утреннего солнца эта легкая тень казалась скорее едва заметным пушком, какой бывает над губой у юных девиц, нежели мужской бородой.

Бувэй осторожно коснулся его лица, обхватив пальцами подбородок, и завороченно провел большим пальцем по теплой коже.

На губах Цзычу заиграла откровенно насмешливая улыбка. Бувэй испуганно отдернул руку, точно обжегшись, и поспешно спрятал сжатый кулак за спину.

— Каким бы вы ни предстали перед миром, господин, — негромко выговорил он, пряча взгляд, — ваш лик безупречен.

Усмешка мгновенно сошла с лица Цзычу.

— Разумеется, — холодно отозвался он. — Ведь редкий товар всегда в цене.

Бувэя словно громом поразило — он покачнулся, едва удержав равновесие. Его глаза округлились от потрясения, а голос сорвался на крик:

— О чем вы говорите, принц?!

Цзычу поднялся с места. Ловким движением отбросив в сторону длинный подол, он подошел к задней двери кареты и резко отдернул плотную занавесь. В душное пространство кареты ворвался ледяной рассветный ветер.

Устроившись у самого края, он незаметно снял с запястья тонкую черную ленту и привязал ее к дверному засову, позволяя ей свободно виться по ветру. Закончив, он обернулся и молча, со странной, застывшей полуулыбкой посмотрел на Бувэя. От этого взгляда у торговца по спине пробежали мурашки.

— Тебе не о чем беспокоиться, великий наставник, — мягко произнес Цзычу, нарушая затянувшуюся тишину. — Ты с самого начала ясно дал понять: чтобы возвысить свой род, тебе нужно возвести меня на престол. Ижэнь прекрасно понимает, что это всего лишь честная сделка.

Ветер трепал его темные локоны, бросая их на бледное лицо, но взгляд Цзычу оставался пугающе ясным. Бувэю вдруг показалось, что сквозь пальцы утекает нечто безвозвратное и бесконечно важное.

Он открыл было рот, пытаясь найти оправдание, но принц высказал чистую правду. Опровергнуть ее было нечем.

Тем временем Цзычу уже затворил дверь, опустил тяжелую портьеру, отсекая холодный воздух, и спокойно вернулся на свое место. Бувэю оставалось лишь молча глотать обиду.

Машина Чжао Цзи следовала сразу за роскошным экипажем Бувэя, однако ее убранство уступало ему во всем. И хотя сквозняки внутри не гуляли, карета не могла похвастаться тем глухим теплом, что позволяло Цзычу безбоязненно скидывать верхнюю одежду.

Но стоило передней повозке приоткрыться, как Чжао Цзи сумела разглядеть происходящее внутри.

В проеме показалась стройная, изящная фигура в нежно-розовом платье. В лучах утреннего солнца тонкие пальцы незнакомки казались выточенными из драгоценного перламутра.

Чжао Цзи ахнула и мертвой хваткой вцепилась в ладонь своей матери, Чжао Сун-ши:

— Матушка, гляди! Неужто в его карете сидит девка?!

Чжао Сун-ши поспешно обняла дочь за плечи и силой усадила обратно на мягкие подушки, пытаясь утихомирить:

— Побойся богов, ну когда же ты наберешься ума? Тебе рожать со дня на день! Даже будь при нем женщина, разве ты сейчас способна ублажить супруга? Коли он скрывает ее от тебя, значит, и в дом везти не намерен. О чем тут убиваться? Твое дело сейчас — дитя побережь. Родишь мальчика, и никто твоего места не займет. Я всю жизнь прожила бесправной наложницей без сыновей, но тебе такая доля не суждена!

Чжао Цзи нежно погладила свой огромный живот, а свободной рукой коснулась покрытого пигментными пятнами лица. В ее глазах вспыхнула затаенная злоба.

— Твоя правда, матушка, — процедила она сквозь зубы. — Только вот принц не притрагивался ко мне с тех пор, как узнал о тяжести. Семь месяцев! Семь долгих месяцев одиночества! А ведь я молода, мне тоже нужна ласка...

Чжао Сун-ши, прожившая жизнь тихой и покорной женщиной, от столь бесстыдных признаний лишилась дара речи и лишь испуганно притихла.

Дочери, впрочем, сообщница не требовалась. Она разочарованно похлопала себя по животу:

— Скорей бы уж разродиться. Тогда и принца смогу вернуть в свою постель.

Вдруг ее взгляд хищно блеснул. Она наклонилась к самому уху матери и заговорщически прошептала:

— Матушка... Я слышала, во дворцах знатные дамы частенько заводят себе смазливых наложников.

Лицо Чжао Сун-ши мгновенно побелело как мел, а в груди перехватило дыхание от ужаса перед дерзостью собственной дочери.